

УДК 81'27:811.161.1

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-254-260>

В. М. Алпатов
Москва, Россия

Vladimir M. Alpatov
Moscow, Russia

В ЗАЩИТУ КАНЦЕЛЯРИТА

IN DEFENCE OF BUREACRATESE

В 1961 г. К. И. Чуковский писал, что главная опасность для русского языка – «канцелярит». Это проникновение слов, оборотов, синтаксических конструкций, характерных для стиля официальных отношений (делового), в другие стили языка (бытовой, научный, художественный). Такая точка зрения широко распространена в России. Она связана с резко отрицательным отношением к деловому стилю вообще, он оценивается как язык бюрократизма, штампов, невнимания к людям. Однако эта проблема имеет три аспекта: стилистический, аспект иерархии жанров и политический. Любое смешение жанров затрудняет общение, но концепция канцелярита отражает пренебрежение к деловому стилю в русской культурной традиции. Однако иерархия стилей и жанров в других культурных традициях (английской, японской и др.) может быть другой.

Ключевые слова: канцелярит, деловой стиль, русский язык, бытовой стиль, научный стиль, художественный стиль, официальные отношения, бюрократизм, штампы, стилистика, иерархия жанров, политический аспект.

In 1961 K. I. Chukovskiy wrote that the principal danger for Russian was “Bureaucratese” (канцелярит). It is the penetration of words, phrases, syntactic constructions typical of the style of the official relations in other styles (style of everyday life, academic style, belles lettres style). Such point of view is widely spread in Russia. It is connected with a very negative attitude to the official style in general, it is considered to be the language of bureaucratism, clichés, indifference to people. However, this problem has three aspects: stylistic aspect, aspect of the hierarchy of genres, and political aspect. Any confusion of genres impedes the communication but the conception of Bureaucratese reflects the neglect of the official style in the Russian cultural tradition. However, the hierarchy of styles and genres in some other cultural tradition (English, Japanese, etc.) can be different.

Key words: bureaucratese, official style, Russian, style of everyday life, academic style, belles lettres style, official relations, bureaucratism, cliché, stylistic aspect, hierarchy of genres, political aspect.

Сведения об авторе: Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий центром социолингвистики.

Место работы: Институт языкознания РАН, Москва.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

About the author: Alpatov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Chief Researcher, Head of the Center for Sociolinguistics.

Place of employment: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Слово *канцелярит*, впервые использованное К. И. Чуковским в книге «Живой как жизнь» (первое издание – 1962), стало с тех пор достаточно распространенным. Оно имеет явно негативную окраску и обозначает неуместное использование в русском литературном языке слов и синтаксических конструкций, специфичных для делового (канцелярского) стиля.

Чуковский в своей книге рассматривал различные факторы, отрицательно влияющие на развитие русского языка (ненужные заимствования, аббревиатуры, использование грубых просторечных слов и оборотов), и признавал, что не в них заключается главная опасность. Ее он видел в том, что он назвал канцеляритом. «Гораздо серьезнее тот тяж-

кий недуг, от которого, по наблюдению многих, еще до сих пор не избавилась наша разговорная и литературная речь. Имя недуга – *канцелярит* (по образцу колита, дифтерита, менингита). На борьбу с этим затяжным, изнурительным и трудно излечимым недугом мы должны подняться сплоченными силами» [1 : 136]. Автор книги осуждает тех, кто «считают правилом хорошего тона возможно чаще вводить в речь (даже во время разговора друг с другом) слова и обороты канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, докладов, донесений и рапортов. Многие из них при всем желании не могут выражаться иначе: так глубоко погрязли они в своем департаментском стиле» [Там же : 143]. Канцелярит

«усиленно прививается детям чуть ли не с младенческих лет» [1 : 150]. Чуковский приводит немало, безусловно, убедительных примеров канцелярских штампов в художественной литературе, научных текстах (в том числе текстах диссертаций), в письмах читателей, включая детей.

При этом можно заметить, что Корней Иванович боролся сразу с двумя противниками и переходил от одного к другому, а иногда бил по обоим сразу. Главу книги, посвященную канцеляриту, он начинает с анализа учебного пособия для школьников под названием «Деловые бумаги». Он признаёт, что «при официальных отношениях людей нельзя же обойтись без официальных выражений и слов» [Там же : 138]. При этом он не без гордости заявляет: «В детстве меня не учили изъясняться на таком языке» и «составить самую простую деловую бумагу для меня поистине каторжный труд» [Там же : 137]. В связи с этим он пишет: «По крайней мере один из современных филологов [В. Г. Костомаров. – В. А.] убеждает читателей, что директор учреждения поступил бы бестактно, если бы вывесил официальный приказ, написанный в стиле непринужденной беседы. Возможно, что филолог и прав: должен же существовать официальный язык в государственных документах, в дипломатических нотах, в реляциях военных ведомств» [Там же : 138]. Писатель не спорит с В. Г. Костомаровым, но в самом тоне («убеждает читателей», «возможно, и прав») видно то, что ему не очень хочется с данной точкой зрения соглашаться, хотя и приходится это делать. Характерно, что Чуковский, допуская где-то использование явно нелюбимого им стиля, упоминает те сферы жизни, которые максимально далеки от повседневности.

А затем, и чем дальше, тем больше, Корней Иванович уже говорит не о неуместности в тех или иных случаях, а о порочности всего канцелярского стиля и той картины мира, которая за ним стоит. «Штампованный жаргон казенных бумаг» [Там же : 145]; «Бюрократические закругленные формулы» [Там же : 147]; «Его главная суть – прикрывает собой равнодушие» [Там же : 154]. Это уже негативная характеристика всего делового стиля, который оценивается ниже, чем бытовой, художественный или научный. Итоговая его оценка: «Оторванный от жизни штампованный, стандартный жаргон, свидетельствующий о худосочности, обескровливании мысли» [Там же : 174].

Сходные идеи позднее высказывал и М. В. Панов. «Последние десятилетия – время оказывания языка, перегрузки его штампами, понижения его стилистической гибкости

и отзывчивости. Мы говорим не о языке писателей – среди них никогда не исчезали талантливые мастера. Имеется в виду повседневная речь, официальная и полуофициальная. Она заполнила наш быт и полностью господствует в служебных, деловых, общественных и производственных, тем более – официально учрежденных отношениях. И вполне естественно, что появился противовес этой казенной речи. Возникла особая коммуникативная система: разговорный язык (РЯ)... Он усваивается только путем непосредственного общения между культурными людьми... Для того чтобы в речи обнаружился, “объявился” РЯ, нужны определенные условия. Основное – неофициальные отношения между говорящими» [2 : 19]. И далее М. В. Панов пишет о «слишком строгой официальной жизни» и «отпоре» ей в бытовой речи интеллигенции [Там же : 21].

Очевидно, что за всем вышперечисленным стоят, по крайней мере, три аспекта, чаще всего сознательно или бессознательно не разграничиваемые. Это стилистический аспект, аспект иерархии жанров и политический аспект.

Из них наиболее очевиден стилистический аспект, именно о нем писал В. Г. Костомаров, а Чуковский, признавая его существование, вероятно, не считал его главным. Классификация функциональных стилей и жанров – вопрос достаточно спорный, но очевидно, что стиль «канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, докладов, донесений и рапортов» объективно существует и имеет свои особенности в лексике и синтаксисе. Чуковский рассматривал некоторые из них, в частности, обилие последовательностей слов в родительном падеже и злоупотребление творительным падежом в функции субъекта [1 : 165–166]. Если говорить об этом аспекте в чистом виде, не смешивая его с другими, то это частный случай проблемы соответствия выбора функционального стиля и жанра условиям коммуникации.

Вот пример из художественного произведения (появившегося одновременно с книгой Чуковского), где, правда, речь идет не о деловом, а о научном стиле (впрочем, жанр отчета – скорее некоторый гибрид делового и научного стиля). Описано, как один из сотрудников НИИ пишет неподходящим образом отчет о проделанной работе, а его коллега затем правит текст, заменяя *бесподобный метод интегрирования* на *эффективный метод интегрирования*, а *испытания носили двусмысленный характер* – на *в процессе испытаний были выявлены противоречащие друг другу факты*. В результате в отчете появлялись «четкость, лаконизм, ритм. Фраза,

собранный из слов, как механизм из деталей... После правки Критика отчет становился относительно пристойным» [3 : 9].

Хотя это другой стиль (вызывающий одобрение Чуковского), но пример показывает, что и в данном случае стиль требует стандартизации, приведения лексики и синтаксиса в соответствие определенным принятым шаблонам. Естественно, и «официальный приказ, написанный в стиле непринужденной беседы», неприемлем с точки зрения эффективной коммуникации. Любое стилистическое несоответствие недопустимо независимо от эмоционального отношения к тому или иному жанру.

Но здесь вступает в силу другая проблема – проблема иерархии жанров. В России с XVIII в. после снижения престижа религиозного стиля (или стилей) самым «возвышенным» стал считаться функциональный стиль художественной литературы (опять-таки не буду рассматривать вопрос о том, один это стиль или несколько). Уже Н. М. Карамзин и его соратники и последователи ориентировались на развитие языка художественной литературы и отрицательно относились к «приказному», то есть деловому языку, что имело и социальные причины [4 : 43]. В России сложилось представление об «изящной словесности» в противовес непрестижному творчеству журналистов и канцеляристов. Показателен сам принятый у нас термин *литературный язык*, обычно (если это только не калька с русского) не имеющий аналогов в других языках. Буквально соответствующий термин, например, во французском языке относится к языку, которым говорят герои классических трагедий, максимально далекий от разговорного языка, а в японском языке это старописьменный язык (*бунго*). Нашему термину *литературный язык* во многих европейских языках соответствует то, что по-русски выглядит как *стандартный язык*. У нас теперь такой термин тоже есть, но, совпадая в денотативном значении с *литературным языком*, он имеет иные коннотации: классики литературы могли писать только на *литературном языке*, а про деловую бумагу скорее хочется сказать, что она написана на *стандартном языке*. Деловой, «приказный» стиль в разные эпохи в нашей стране считался особо непрестижным.

Можно привести немало примеров иерархии жанров в России разного времени, приведу лишь два. При всём официальном почете к личности императора при самодержавии язык исходивших от него текстов никогда не считался по-настоящему престижным. Даже сборник избранных речей Николая II появился лишь через одиннадцать лет после начала его царствования; его издание случайно совпало с расширением свободы печати после

манифеста 17 октября 1905 г., и сборник сразу стал мишенью для сатирических журналов. А в близкое к нам время ради большего прославления Л. И. Брежнева решили его сделать писателем.

Однако традиции могут быть различными даже в разных европейских странах. «Еще более отчетливым было различие в отношении британской и французской нормативной традиции к литературному творчеству как источнику языковой правильности. Британские авторы не рассматривали художественную литературу как надежный ориентир в вопросах культуры речи» [5 : 72]. «Почтительного отношения к художественной литературе британская нормативная традиция не знала» [Там же : 75]. А во французской грамматической традиции «соответствие грамматического описания материалу литературных текстов является решающим критерием оценки пригодности данного описания» [6 : 135]. У нас ситуация ближе к французской, что проявилось в общественном обсуждении проекта реформы русской орфографии в 1964 г. Наибольший резонанс имели выступления писателей – «хранителей языка», часто лингвистически неграмотные, а языковедов не слушали.

Совсем другой подход свойствен Японии, о чем автор данной статьи уже не раз писал [7 : 273–274; 8 : 15]. В иерархии жанров выше всего стоял язык официальных текстов, прежде всего, исходивших от императора. Уже в период европеизации едва ли не самым престижным японским текстом считался рескрипт императора Мэйдзи об образовании, устанавливавший систему всеобщего начального образования; его вывешивали во всех школах и заучивали наизусть. Показательно, что деловые бумаги писали на самом престижном из использовавшихся языков. Веками их писали на камбуне (японизированном варианте китайского языка), который ценился выше, чем бунго (старописьменный японский, буквально «литературный» язык), а после отмены камбуна в период европеизации до 1945 г. – на бунго. В начале XX в. «все писалось по его [бунго. – В. А.] нормам, начиная от текста закона и кончая квитанцией о приеме белья в прачечную» [9 : 12]. Можно ли представить себе аналогичную ситуацию с церковнославянским языком в России в какой-либо исторический период? А художественная проза традиционно считалась «низким жанром»; именно поэтому в XI в. самые значительные прозаические произведения в Японии были написаны женщинами; для мужчин-придворных такое творчество казалось слишком несерьезным, хотя стихи они постоянно писали. Со второй половины XX в., правда, отмечали, что наиболее значимыми стали не деловые

жанры, а жанры средств массовой информации, особенно телевидения. Но опять-таки художественная литература не ставится особенно высоко. У нас же не только сейчас, но и в советское время речь на телевидении не считалась столь же престижной, как художественная.

Так что иерархия жанров в разных культурах может быть различной, но, безусловно, К. И. Чуковский здесь следовал русской традиции. Он приводит в своей книге цитаты из А. И. Герцена, А. П. Чехова, В. И. Ленина, которые (естественно, в иных терминах) также осуждали канцелярит. И он явно гордился своей беспомощностью при вынужденном обращении к «штампованному жаргону казенных бумаг».

Здесь мы уже переходим к, несомненно, важнейшему для Корнея Ивановича политическому аспекту. Публикуя свою книгу в 1962 г., он, естественно, не подчеркивал этот аспект, но его присутствие несомненно (что подтверждают его дневники тех лет, теперь изданные). Более очевиден этот аспект у М. В. Панова, издававшего свою книгу в годы перестройки. В наши же дни всю проблематику, связанную с канцеляритом, могут сводить к этому: «Как известно, Чуковский понимал канцелярит как неоправданное использование канцелярского языка за пределами сферы официально-деловых отношений в русском языке середины XX в., повлекшее за собой невиданное ранее оскудение образности и выразительности языка. Начиная с К. И. Чуковского канцелярит изучают как аспект культуры речи – как использование языковых средств делового стиля в неподходящих для этого условиях общения. В современных исследованиях канцелярит изучают преимущественно в историко-культурном плане: проводится параллель между распространением канцелярской речи за пределами официально-делового стиля и идеологией Советского государства». «Доказывается, что масштаб данного явления значительно шире: то, что Чуковский называл канцеляритом, есть неизбежное следствие государственной идеологии в Советском Союзе и – шире – в любом тоталитарном обществе» [10 : 276–277]¹.

Насколько такое обобщение правомерно делать на основе книги К. И. Чуковского? С одной стороны, он пишет: «Этот департаментский, стандартный жаргон... расцвел в литературе, начиная с середины 30-х годов» [1 : 160]. Следует при рассмотрении этой

цитаты вспомнить о ситуации в СССР в 1961–1964 гг., между XXII съездом КПСС и отставкой Н. С. Хрущева. Тогда у самых разных авторов установился штамп противопоставления «правильного», основанного на «ленинских нормах» времени до начала 1930-х гг., «периода культа личности» со всевозможными отклонениями от этих норм, и нового исторического этапа после 1953 года. И вина за канцелярит снимается с Ленина и возлагается на Сталина, тогда как «в настоящее время он малопомалу увядает» [Там же : 160]. Но, с другой стороны, не раз Чуковский подчеркивает (вряд ли только по цензурным соображениям) укорененность канцелярита в традициях, выходящих за рамки советской эпохи. «В старое время было так много шаблонов именно в бюрократической речи, созданной специально затем, чтобы прикрывать наплевательство к судьбам людей и вещей» [Там же : 154]; именно здесь цитируется А. И. Герцен. Сам эпитет *департаментский* в то время ассоциировался исключительно с царскими временами (департаментов в 1960-е гг. не было, это название возродилось уже после смены строя). Но царское время не принято называть тоталитарным. А «избавление России от тоталитаризма» ни на одном из этапов, как сейчас уже всем понятно, не избавило нас от равнодушия, «наплевательства к судьбам людей и вещей» и «обескровливания мысли».

А как было с канцеляритом и, шире, с истоками, формированием и развитием советского дискурса на самом деле? В 1920-е гг. (в отличие от более позднего времени) эти вопросы в нашей стране еще исследовались, здесь особо надо отметить известную книгу А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и ряд статей Е. Д. Поливанова.

Бюрократический характер царской администрации слишком хорошо известен, чтобы его доказывать; он, естественно, проявлялся и в сфере языка, особенно в рамках делового стиля, что подчеркивал К. И. Чуковский. Затем наступил 1917 г., изменения в языке коснулись не столько фонетики и грамматики, где, как подчеркивали оба вышеупомянутых ученых, они не были значительны, сколько области дискурса. Как указывал А. М. Селищев, специфический язык (в современной терминологии, дискурс) революционеров складывался еще до 1917 г., а затем стал господствующим и начал оказывать влияние на речь других социальных групп. Подчеркнуто, что большинство революционеров было выходца-

¹В этой связи стоит сказать про такое понятие, как «новояз». Дж. Оруэлл, как не раз уже отмечали, одновременно выступал в двух ипостасях, каждая из которых естественна для троцкиста: боролся со Сталиным и всем, с ним связанным, но осуждал «язвы капитализма». А упрощение языка пропаганды и любой массовой информации – объективное явление, свойственное и в те, и в нынешние времена любому режиму. «Новояз» – карикатура на данное явление, подогревавшаяся как раз перед этим появившимися basic English и пр.

ми из интеллигенции [11 : 69 и др.], поэтому в рассматриваемом языке очень значительны книжные элементы; к этому добавляются особенности происхождения ряда деятелей, среди которых было много выходцев из духовенства, поляков, евреев. Отмечено активное использование революционерами иностранных слов. Важная черта данного дискурса – повышенная эмоциональность: «Пафос революционера, высокие идеалы братства, равенства, свободы, угрозы врага, категорические приказы в обстановке решительной битвы – всё это вылилось в соответствующих формах речи» [Там же : 156]. В то же время отмечены и черты противоположного характера: «Российские революционеры ... не стесняются употреблять в своей речи слова и выражения, считавшиеся фамильярными и грубыми» [Там же : 107]. Причины этого ученый видел в том, что «в революционных кружках прежнего времени действовало значительное количество студенческой молодежи, среди которой распространены бывают некоторые черты независимости от общих норм и форм бытового уклада и общепринятого этикета», чему в языке соответствуют «некоторая грубоватость и откровенный реализм значения слов и словесных сочетаний» [Там же : 107].

Что касается делового стиля, то сразу после революции старые шаблоны и стереотипы теряли силу, однако вскоре стало значительным «воздействие всевозможных многочисленных канцелярий», возникших в большом количестве: появилось или возродилось немало число «элементов языка *канцелярского* с его архаизмами» [Там же : 98]. Ученый указывал и на «влияние многочисленных деятелей прежних канцелярий», которые продолжали работать и после революции в новых канцеляриях [Там же : 98]. Многого возвращалось на прежнее место, в том числе и в деловом (и не только в деловом) стиле, на что обращали внимание и подчеркнуто аполитичный А. М. Селищев, и преданный идеалам революции Е. Д. Поливанов. «Быстро создаются речевые шаблоны вместо недавних форм эмоциональности. Речь с шаблонными *штампами* не возбуждает прежних настроений. Это – “трескотня”» [Там же : 157]. Е. Д. Поливанов, которого нельзя заподозрить во враждебности к «тоталитаризму», протестовал против «уродливой дисциплинированности речи» и превращения еще недавно ярких образов в «заезженные штампы». Он сравнивал по «безжизненности и недвижности» «славянский язык революции» в том виде, который он приобрел к концу 20-х гг., с «церковнославянскими речениями в церковном языковом обиходе» [12 : 169]. Чем дальше, тем больше штампы господствовали.

На другой аспект становления канцелярита в его советской форме справедливо обратил внимание К. И. Чуковский. Он писал о малокультурном обывателе: «Он гордится не только отличной женой, но и тем, что ему доступны такие слова, как *конфликтовать, лимитировать*» [1 : 140]. В это время (не только с середины 1930-х гг., но и раньше) шел процесс освоения русского литературного языка широкими слоями населения, ранее владевшими лишь просторечием и/или диалектом. И сферой, в которой этим людям в наибольшей степени приходилось овладевать начатками литературного языка, была сфера документации разного рода, где существовали строгие правила построения текста и употребления лексики, которым было необходимо следовать. Поэтому достаточно распространенной именно в советский период, особенно на ранних его этапах (слова Чуковского об «увядании» канцелярита не были столь неверными, как это сейчас может показаться), стала ситуация, когда человек владел двумя функциональными стилями: бытовым и (в той или иной степени) деловым. При этом он осознал, что деловой стиль – более «культурный», и мог вводить его элементы в свою бытовую речь (что фиксирует Чуковский). Об этом по совсем иному поводу писал уже упоминавшийся М. В. Панов: «Если фонетическая (или грамматическая) черта характерна для жанров сниженных, то она с трудом проникает в высокие жанры... Если же фонетическая (или другая) черта характерна для высоких жанров, она приемлема и для невысоких» [2 : 264]. Это, конечно, относится и к лексике и верно в любом случае, если человек владеет более чем одним функциональным стилем. Но для К. И. Чуковского или М. В. Панова деловой стиль занимал очень низкое место в иерархии, тогда как бытовой стиль сам по себе не вызывал отрицательного отношения, ср. слова Панова о разговорном языке интеллигенции как «отпоре официальнойщине». И инвективы Чуковского против канцелярита в той их части, где речь идет о советском деловом стиле вообще, как представляется, были направлены не столько против стиля как такового, сколько против тех людей, для которых деловой стиль был самым престижным среди им известных. Они не вызывали у интеллигентов уважения.

Могло быть и наоборот: человек владел разными функциональными стилями, но не деловым. Как мы видели, Чуковский относил к их числу себя. Это, разумеется, не обязательно означало того, что этот человек писал деловые бумаги неподобающим стилем: он мог понимать недопустимость этого, но ценой сбоев коммуникации: «Мне легче исписать всю

страницу стихами, чем «*учитывать выше-изложенное*» и «*получить нижеследующее*» [1 : 137]. Такие люди встречались, но не в столь массовом количестве, как жертвы канцелярита, а их недостатки были извинительны для близкого им круга людей. А описанный И. Грековой сотрудник НИИ, не умевший сочинять по правилам отчет, показан как обычный интеллигент, по другим параметрам не отличающийся от коллег.

И всё же необходимо различать, помимо того, о чём уже шла речь, форму и содержание деловых документов. Не говорю о создании общества без бюрократии и без деловых отношений между людьми. Об этом можно мечтать, но это пока что остается утопией для любого типа обществ, кроме разве что стопроцентно патриархальных. А раз так, то остается необходимым поддерживать правила деловых отношений, среди которых стилистические правила языка занимают одно из главных мест. И канцелярит в этом смысле – не болезнь. Плохо лишь любое нарушение языковых и дискурсных правил, в конечном итоге мешающее коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуковский К. И. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М. : Худож. лит., 1966. 768 с.
2. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М. : Наука, 1990. 453 с.
3. Грекова И. Под фонарем. М. : Сов. писатель, 1966. 160 с.
4. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М. : Наука, 1985. 215 с.
5. Германова Н. Н. Французская академия и британская нормативная грамматика : точки соприкосновения и отталкивания // Развитие языков и литератур в контактных ситуациях : материалы круглого стола. М. : Институт языкознания РАН, 2017. С. 65–76.
6. Бокаторова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. Структура знания о языке. М. : Наука, 1987. 152 с.
7. Алпатов В. М. Литературный язык в России и Японии // Алпатов В. М. Японистика. Теория языка. Социоллингвистика. Теория языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2017. 518 с.
8. Алпатов В. М. Япония : язык и культура. М. : Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
9. Конрад Н. И. О литературном языке в Китае и Японии // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1960. Т. 10. С. 26–90.
10. Дементьев В. В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.
11. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) // Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 47–179.
12. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М. : Федерация, 1931. 183 с.

REFERENCES

1. Chukovskiy K. I. *Sobraniye sochineniy* : v 6 t. T. 3. [Collected Works : in 6 vols. Vol. 3]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1966. 768 p. (in Russian).
2. Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 453 p. (in Russian).
3. Grekova I. *Pod fonarem* [Under the lantern]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1966. 160 p. (in Russian).
4. Uspenskiy B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nachala XIX veka. Yazykovaya programma Karamzina i yeye istoricheskiye korni* [From the history of Russian literary language XVIII – early XIX centuries. The language program of Karamzin and its historical roots]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 215 p. (in Russian).
5. Germanova N. N. *Frantsuzskaya akademiya i britanskaya normativnaya grammatika : tochki soprikosnoveniya i ottalkivaniya* [French academy and British normative grammar : points of contact and repulsion]. In : *Razvitiye yazykov i literatur v kontaktnykh situatsiyakh. Materialy kruglogo stola* [Development of languages and literatures in contact situations. Materials of the round table]. Moscow, Institut yazykoznaniya of Russian Academy of Sciences, 2017, pp. 65–76 (in Russian).
6. Bokadorova N. Yu. *Frantsuzskaya lingvisticheskaya traditsiya XVIII – nachala XIX veka. Struktura znaniya o yazyke* [French linguistic tradition of the XVIII – early XIX centuries. Structure of knowledge of the language]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 152 p. (in Russian).
7. Alpatov V. M. *Literaturnyy yazyk v Rossii i Yaponii* [Literary language in Russia and Japan]. In : *Alpatov V. M. Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Teoriya yazykoznaniya* [Japanese studies. Theory of language. Sociolinguistics. Theory of linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2017. 518 p. (in Russian).
8. Alpatov V. M. *Yaponiya : yazyk i kul'tura* [Japan : language and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. 208 p. (in Russian).
9. Konrad N. I. *O literaturnom yazyke v Kitaye i Yaponii* [On the literary language in China and Japan]. *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences], 1960, vol. 10, pp. 26–90 (in Russian).
10. Dementyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2016. 396 p. (in Russian).
11. Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)* [Language of the revolutionary era. From observations on the Russian language of recent years (1917–1926)]. *Selishchev A. M. Trudy po russkomu yazyku. Yazyk i obshchestvo* [Works on the Russian language. Language and society]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, pp. 47–179 (in Russian).
12. Polivanov Ye. D. *Za marksistskoye yazykoznaniye* [For Marxist linguistics]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931. 183 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 31.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алпатов В. М. В защиту канцелярита // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 254–260. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-254-260>

For citation

Alpatov V. M. In Defence of Bureacratese. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 254–260 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-254-260>